

УГОРЪ Бобришный

Литературный альманах, выпуск 4 (42)

Дорогие читатели!

Сегодня к вам обращается известный прозаик и драматург Александр Грязев.

«Наша страна - особенная. Это планета, не укладывающаяся в традиционные рамки. Я не люблю, когда кричат о любви к России и ко всему русскому. Во всяком крике есть что-то фальшивое. Россию надо просто любить. Как любят родную мать, но никогда не говорят громко об этом. Наверное, каждый, кто работает со словом, пытается разгадать для себя тайну России».

К 210-летию А.С. Пушкина

Вячеслав КУЗНЕЦОВ

В кабинете Пушкина

Здесь вечность спит.
В непостижимом миге
минувший век свечу свою задул...
Старинные, тисненой кожи книги
малчат, неся почетный караул.
А было - сердце над строкою билось,
слова, искрясь, вставали на ребро.
... И рукопись свернулась, как папирус,
а рядом - лебединое перо.

Почему я молчал

К 80-летию со дня рождения русского поэта А.Я. Яшина

Упрекают иной раз: почему не написал о том, отчего ни словечушка не сказал об этом. С точки зрения журналистики подобные упреки вполне допустимы. Но в чисто литературном смысле - они смешны. Можно ли обвинять, например, Владимира Солоухина за то, что он до сего времени ни строчки не написал о пятой Череповской домне - самой крупной в Европе? А ведь подобные обвинения бывали в ходу не только у авербахов и гелеушников. Сами писатели с каким-то странным упорством «наступали на горло собственной песне». Примеры? Кишмя кишат. (Не исключаю и сам себя, поскольку сочинял в юности стихи о Ленине, о партбилете и пр. Подражал Маяковскому).

А кому было мне подражать, ежели за Есенина во время моего детства сажали в тюрьму? Я о нем и не слыхивал в своем детстве. В 40-х годах книгу Блока не сыскать было и днем с огнем. Маяковского, Маршака, Шарова, Безыменского, Багрицкого еще можно было прочесть. Но только не Блока и не Есенина.

У Яшина и Фадеева, допустим, во время моего детства возможности были намного шире. Но почему Фадеев даже после войны с таким упрямством мусолил свою книгу о металлургах? Не знаем. А может быть, и знать не положено. Нелепо спрашивать, почему нынешний Черниченко вместо того, чтобы рассказать людям о большой импортной картошке, уселся в прокурорское кресло. Каждый пишет, что ему хочется, либо совсем ничего не пишет. Не стал бы я рассуждать обо всем этом, если б не одно болезненное для меня обстоятельство. Я ничего пока не сказал публично о встречах с Шолоховым, Твардовским, Симоновым, Тендряковым, Казаковым и многими еще. И не ощущаю от этого укол совести. А вот упреки в том, что ничего не написал о своих умерших друзьях, наверно, справедливы. Во всяком случае они - упреки - на меня действуют. Речь идет действительно о друзьях. Александр Яшин, Федор Абрамов, Василий Шукшин были для меня прежде всего близкими, почти родными людьми, а уж только потом близкими писателями.

В том же ряду и Николай Рубцов, и Анатолий Передрезов, и Юрий Селезнев, хотя с ними я не был так близок, как с тремя первыми. Хочется сказать в оправдание, что для меня все они (шестеро) живы. Да, ощущение такое, что они есть, что мы просто давно не виделись, поскольку живем в разных местах...

Увы, действительно, в разных. настолько разные эти места, что ни один из моих друзей не сможет сам себя защитить от лжи или клеветы. Защищать их обязан я. Или кто-то еще, имеющий эту возможность. К счастью, злобная клевета или уж совсем беспардонная ложь еще не сильно касались этих имен (потуги радиостанции «Свобода» не в счет). Все это так, но почему бы тебе не защитить их от этой маленькой, на первый взгляд, беспомощной лжи? Конечно, есть тут и обычная лень, обломовская психология откладывания на потом.

Но ведь не всегда же я был бездельником. Умею, вроде бы, и заставлять себя не откладывать наиболее важное дело. Почему же воспоминания не написаны? Неужели потому только, что друзья умирали один за другим, умирали быстрее, чем пишется?

Как раз поэтому, ежели говорить о Шукшине, Абрамове, Рубцове, Селезеве, Передрезове. За смертями этих моих друзей невозможно было угнаться...

Иное дело Александр Яковлевич Яшин. У меня было время написать воспоминания о нем. Но я все откладывал и откладывал. Так прошла целая четверть столетия. Что же меня всегда останавливало?

Василий БЕЛОВ,
писатель.

Газета «Русский вестник» N 8-10, 1993 г.

Продолжение следует.

УГОРЪ Бобринский

Литературный альманах, выпуск 5 (43)

Дорогие читатели!

Сегодня с вами говорит Георгий Свиридов, считавший национальное мироощущение народа русского основой культуры. В его глупинах видел он Слово, которое от Бога, и божественные мелодии. Композитор уверен: «Выражение духовной жизни нации - высшая цель творца-мастера». В Василии Белове и плееде «деревенщиков» он чувствовал соратников, в союзе с которыми еще можно возродить нацию. «Деревенщики» - это новая русская литература (почти все из провинции), это очень образованные, тонкие, высокоинтеллигентные, талантливые люди. У них и жизнь, и искусство слиты. Достаточно назвать Абрамова, Астафьева, Белова, Распутина... Это «есть подлинная, истинно русская, народная литература в настоящем смысле этого слова».

Владислав КОКОРИН

Вологодская школа

«Вологодская школа» -
Державная школа.

Потому ей веки стоять,

Чтоб не мог отвратительный тать

Захватить ни земли и ни слова.

Землю вспашу. Стихи напишу.

А за забором сразу: шу-шу...

Гляньте, сегодня не пашет.

Сел и хлебает кашу.

Люди-то пахнут, а он - отдыхать.

Книжки читает, а мог бы пахать.

Выйду наутро и ну - дерновину

кромсать!

Ропщут халдеи: «Смотрите,

не хочет писать».

Судят и рядят, что, дескать,

вот так и бывает:

Каждый своими руками талант

зарывает.

Хают бездельники, труд зачисляя

в грехи:

Всходы, мол, плохи, и вирши плохи...

Но мы не сдаемся! -

И пашем, и пишем стихи.

Почему я молчал

К 80-летию со дня рождения русского поэта А.Я. Яшина

Окончание.

Начало в «УБ» от 7.07.2009 г.

Ответ начинал слегка проясняться, когда я читал воспоминания Федора Абрамова об Александре Яковлевиче, или, например, Константина Симонова об Александре Твардовском. Совсем стало ясно, когда прочитал книгу А. Солженицына «Бодался теленок с дубом». Я знал Александра Трифоновича благодаря Александру Яшину не понаслышке (несколько раз встречался накоротке). «Теленок» Александра Солженицына боднул так, что желание читать и писать какие бы ни было литературные воспоминания у меня надолго исчезло. Не помню, до этого или уже после этого, прочел книгу Щеголева о Пушкине. Примерно в ту же пору появилось похожее на брезгливость чувство к семейной переписке писателей, к их дневникам. Стесняюсь читать. Даже письма Пушкина. Такой читатель, как мне кажется, похож на пылко влюбленного, которому не стыдно разбирать нестиранное белье своей любимой девушки. Разве Пушкин выше в его письмах, чем в его книгах? Зачем знать, что Пушкин писал жене? Хотя иной раз в иной пушкинской реплике больше пользы, чем в целой поэме Роберта Рождественского.

При таком отношении к печатным воспоминаниям я и сейчас не могу осмелиться писать об А.Я. Яшине. Он рядом, и сам он как бы не очень поощряет такие писания. Поощряет совсем иное: его человеческие, гражданские свойства, в малой степени присущие или совсем не присущие большинству нынешних литературных каторжников.

Александр Яшин презирал прежде всего обычную трусость, это самое первое свойство любого мужчины. Он звал к чести и совести. Природный азарт и горячность - одни они были причина-

ми его ошибок, но только не трусость. Он был русский поэт и русский человек, со всеми его достоинствами и недостатками. Деревенским юношей он пришел на первый писательский съезд. Что он думал, слушая Максима Горького, который патологически не любил русское крестьянство? Мы не знаем. Во всяком случае, он не бросился писать историю фабрик и заводов. В годы общего духовного утомления он написал поэму, говорить о которой до конца дней своих стеснялся. Во время так называемой хрущевской оттепели (позволившей «оттаявшим» атеистам закрыть двенадцать тысяч русских церквей) Александр Яшин первый один на один схватился с большевистским драконом: он опубликовал рассказ «Рычаги». (Уже тогда была вполне заметна разница между яшинским направлением в русской литературе и «каверинским», приведшим в конце к Аксенову и Лимонову). И ныне, в годы хозяйственной разрухи и массового нравственного разложения, мне чуть ли не каждый день вспоминается Александр Яковлевич Яшин, то хмурый, то улыбающийся...

Что бы он сделал при виде того, как литературные стахановцы перестройки захватывают Литфонд? Хватают ключи от сейфа, потом один за другим трусят из «этой» страны?

Как бы повел себя Яшин в те дни, когда москвичи стаскивали с пьедесталов бесовскую троицу: Свердлова, Дзержинского и Калинина? Что бы он сказал, когда сейчас веселые москвичи требуют разрешить куплю-продажу родной земли, когда Жак Аттали - французский банкир - предлагает русским сменить рубль на иную валюту и открыть границы?

Зная характер Александра, не так уж и трудно представить, что бы он сделал и что сказал.

Василий БЕЛОВ,
писатель.

Газета «Русский вестник» N 8-10, 1993 г.
(Написал через 25 лет после потери своего старшего друга, учителя и Человека - гражданина Отечества).

«На Руси никогда не переводились праведники, энтузиасты, трудники. Ими всегда жила и будет жить Россия!»

Федор АБРАМОВ.